Гуманистическая наука – проект или заявка?

Научная статья
УДК 008
doi: 10.17223/1998863X/66/22

О ДЕГУМАНИЗИРУЮЩЕЙ МИССИИ НАУКИ

Александр Юрьевич Антоновский

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия, olgastoliarova@mail.ru

Аннотация. В своем комментарии на книгу И.Т. Касавина «Наука – гуманистический проект» (2020) я бы хотел оттолкнуться от некоторых положений системно-коммуникативной теории, имеющий прямое отношение к трем базовым лейтмотивам комментируемого труда: от понимания науки как коммуникации, от этической интерпретации науки и от вопроса о ее политической субъектности. В противовес нормативной позиции И.Т. Касавина, а именно его утверждению о желательной и чуть ли не дефинитивной гуманности науки, мне представляется, что ее коммуникативное своеобразие не всегда соответствует тем гуманистическим ожиданиям, которые общество традиционно связывает с наукой. И дело не только в том, что значение и эффекты человека (исследователя или эксперта) принято «выключать» из факторов научного наблюдения как искажающее его объективность.

Ключевые слова: наука, морализация науки, системно-коммуникативная теория, гуманизация науки, И.Т. Касавин

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Для цитирования: Антоновский А.Ю. О дегуманизирующей миссии науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 244–251. doi: 10.17223/1998863X/66/22

Humanistic science: project or request?

Original article

ON THE DEHUMANIZING MISSION OF SCIENCE

Alexander Yu. Antonovskiy

Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation, antonovski@iph.ras.ru

In my commentary on the book by Ilya T. Kasavin, I would like to start from some provisions of the system-communicative theory, which is directly related to the three basic leitmotifs of the commented work: from the understanding of science as communication, from the ethical interpretation of science, and from the question of its political subjectability. In contrast to Kasavin's normative position, namely, his statement about the desirable and almost

definitive humanity of science, I argue that its communicative originality does not always correspond to the humanistic expectations that society traditionally associates with science. And the point is not only that the meaning and effects of a person (researcher or expert) are usually “excluded” from the factors of scientific observation as distorting its objectivity. To an even greater extent, science is characterized by alienation that is generated by the organizational effects of science – a huge disciplinary and structurally differentiated enterprise, the functionality of which algorithms scientific communication so much that there is essentially no room for an individual’s free decision. The matter is aggravated by the fact that traditional collegial expert structures (academic and dissertation councils, competition and attestation commissions, etc.) can no longer make their decisions (only) on the basis of a deliberative discussion of the scientific achievements of employees, any deep acquaintance with scientists themselves and their projects. Today, it is customary to focus on averaged and algorithmized markers of scientific success (on the Hirsch indices of researchers, on the impact factors of the journals where they are published, on the distribution of scientific institutions by category).

Keywords: science; system-communicative theory; humanization; Ilya T. Kasavin

Acknowledgments: The research was carried out within the project supported by Russian Science Foundation, No. 19-18-00494: The Mission of the Scientist in the Modern World; Science as Profession and Vocation.

For citation: Antonovskiy, A.Yu. (2022) On the dehumanizing mission of science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 244–251. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/22

Дегуманизированная коммуникация в науке и политике

В противовес распространенному и детально разработанному в книге [1] тезису о чуть ли не дефинитивной гуманности современной науки или (в более слабом смысле – о ее человекоразмерности), мне представляется, что ее коммуникативное своеобразие сегодня не всегда соответствует тем гуманистическим ожиданиям, которые общество традиционно связывает с наукой. Начну с заявленного в заголовке тезиса о дегуманизации научной коммуникации. Вообще говоря, дегуманизация свойство любого системно детерминированного или инструментальной рациональности¹. Это свойство характеризует не только науку, но всякую систематическую коммуникацию: и политику, и хозяйство, и даже ритуализированную религию.

В каждой из перечисленных систем реализуются те или иные коммуникативные программы (инвестиционные, политические, научные, образовательные, эстетически-стилевые и т.д.). Так, политические алгоритмы максимизации власти подчиняют чиновников «партийным» программам, не предполагающих учет их личных переживаний и пристрастий (аффективность и партикуляризм в смысле Т. Парсонса). Но политическое действие или коммуникация сохранило больше элементов произвольности, ведь, по сути, оно носит *проектный* характер: ориентированный на еще актуализированное будущее *политический проект* не обязан учитывать резоны, сообразовываться с реальностью и даже – перспективами его выполнимости. Возможное фиаско уже закладывается в него как допустимый исход. Временные ограничения политических проектов и программ снимают риск избыточных расходов, а временные ограничение на периоды легислатуры снимают ответственность и с самих «проектировщиков». К тому же политическое решение способно и

¹ В смысле Юргена Хабермаса [2].

само обеспечивать собственную выполнимость через коллективно обязательные *действия* и соответствующие манипуляции (в исходном смысле слова «действия руками»).

Напротив, дефинитивно-созерцательная научная коммуникация, сообразующаяся с объективной (интерсубъективно-удостоверяемой) реальностью, алгоритмизирована гораздо жестче. Истина не может стать следствием действий (= манипуляции), поскольку – как бы ее ни определяли – является результатом коллективно удостоверенных восприятий и наблюдений. Коллективная обязательность такого созерцания не может быть установлена решением (т.е. произвольно, как в политике), но требует единства коллективно-идентичных созерцаний. Политическое действие создает то, чего не было. А научное созерцание, наблюдение и эксперимент фиксируют то, что есть, и именно этим принуждает к акцептации предложений науки и соблюдения стандартизированных научных процедур (исследовательских протоколов и т.д.). Но именно это как раз и минимизирует степени научных свобод и пространство целеполаганий исследовательской работе.

Эти – достаточно тривиальные – соображения можно конкретизировать. Программно-протокольная алгоритмичность научной коммуникации вытекает из ряда ее контекстных ограничений в социальном, темпоральном и предметно-тематическом «горизонтах» или измерениях. Так, ученые жестко ограничены тематикой и спецификой исследуемого предмета, временным давлением (требованиями новизны и текущей актуальности своего исследования) и также не могут не учитывать ожидания сообщества компетентных наблюдателей. И как бы не хотелось мне реализовать свою свободную индивидуальность, разделяемый мной гуманистический идеал, эти возможности самореализации довольно жестко определены предыдущими текстами (в данном случае текстом, который я в данный момент комментирую, и теми научными текстами, которые уже «записаны» в моей памяти; временем, отведенным на написание данных комментариев; временными перспективами самой публикации; ожиданиями рецензентов и экспертов).

Означенные измерения задают всегда ограниченное пространство возможностей, внутри которого автор выступает лишь передаточным звеном, посредником, исчисляющим предоставленные ему шансы *на успех* создаваемого им продукта (= на *акцептацию* того запроса на контакт, который в данном случае выражается в принятии научной публикации к печати). Сам данный текст есть некая переформатированная версия прокомментированного текста. При этом такого рода реконструкция должна быть предельно близка его «объективному» смыслу, а критические контраргументы должны иметь «объективные» основания (подразумевающие предельную близость к ранее сформулированным идеям, эмпирическим фактам и следовать «логической структуре» аргументации). Лишь запрет на «отсебятины» и «идеосинкразию» выступает условием эволюции текстуального контента. Те или иные элементы научных текстов, с «лучшими» или «худшими» свойствами, как бы предлагают себя для будущей селекции новыми поколениями авторов. Но именно такие небольшие (одна статья – один тезис), постепенные, селективные улучшения знания, минимальные коррекции, а не глобальные авторские целеполагания («вечные темы и глобальные проекты) являются динамическими элементами научной коммуникации. Тексты, как элементы научной комму-

никации, отбираются на основе других текстов. В этом смысле «тексты встречаются с текстами», а не авторы с авторами.

Но и в *темпоральном* горизонте прогресс научной коммуникации, успех научных притязаний авторов подчинен безличным механизмам эволюции. Здесь, в свою очередь, роль человеческого фактора исчезающе мала. Не человек и даже не коллективы ведают селекцией или отбором «лучшего знания» (в виде текстов, претендующих на публикацию), а значит – определяют их дальнейшую пролиферацию. Сегодня этот отбор осуществляется на социально-сетевых площадках, где сотни тысяч ученых участвуют в судьбах сотен тысяч статей, согласно алгоритмам искусственных нейросетей. Эти нейросети оценивают «веса» научных достижений через социально-сетевые реакции, через лайки, репосты, комментарии, ревью и обучаются делать это все лучше и лучше. Все мы знаем площадки „Публона“, ResearchGate, Академия Google и др. Там формируется научная репутация, индексы Хирша, импакт-факторы. Это уже не делается делиберативно-осмысленно – путем коллегиальных решений, как прежде, на ученых советах, диссоветах и т.д. Коллегиальные советы лишь учитывают фактические сетевые рейтинги.

Этот «естественный отбор» новых теорий, лучших текстов, лучших знаний, осуществляет социально-сетевая машина по своим алгоритмам. Но прохождение текстов через ее нейронные слои, которые определяют сравнительные веса научных достижений, уже невозможно реконструировать скольконибудь адекватно. Нет возможности реконструировать процессы оценки научного продукта или научного достижения. Механизмы вирусной сетевой раскрутки одних достижений, стремительный набор цитирований, во-первых, не понятны и, во-вторых, могут и не коррелировать с действительным значением того или иного достижения.

Сознание ученого, конечно, продолжает поставлять в распоряжение этой сетевой машины вариативные и нередко избыточные версии нового научного контента, формирует «вариативные пулы» новых текстов. (Так, и данный текст родился на семинаре, где в режиме брэйн-сторминга и свободного обмена часто рождались «сумасшедшие идеи», причем не в лучшем смысле этого слова.) Но даже на этом «человекообразном» эволюционном уровне роль сознания ученого не стоит переоценивать. И здесь «человеческий фактор» выступает в функции «случай-сортировочной машины»¹.

На следующем этапе – эволюционной селекции из предложенных вариаций² – лишь некоторые из научных сообщений будут отобраны как научно-релевантные и опубликованы в рецензируемых журналах. Но и этот эволюционный механизм исключает «человеческий фактор». Эксперт получает текст в анонимном виде и оценивает его исключительно на основании доми-

¹ «Сознание ученого, направленное на научную коммуникацию, функционирует как случай-сортирующая-машина, которая даже и не позволяет многим догадкам доходить до полного их осознания, но подавляющая их в их возникновении, а другие не отмечает и снова забывает; от других вновь отказывается, поскольку не удается придать им ясную формулировку; иные же хотя и отмечает, но не коммуницирует, поскольку для них не удастся изготовить подходящий для этого контекст, к примеру, публикацию. Такого рода уплотнение пред-отсортированных случайностей, со своей стороны, функционирует без всякого рационального удостоверения, вне внутринаучно-управляемой селекции, даже безо всякой целеориентированности. Оно просто осуществляется и в его связи с эволюцией знания и остается именно поэтому чистым варьированием» [3. P. 122].

² Мы используем здесь концепцию эволюционных механизмов Лумана–Кэмпбелла (вариации, селекции, стабилизации) [4].

нирующих на данный момент методологических требований стандартов, практик, нормативных ожиданий от научной статьи. При этом всякая авторская идиосинкразия, как правило, оценивается негативно. Всем авторам, публикующимся в зарубежных журналах, не исключая и гуманитарные, известны жесткие и детально определенные структурные требования к статье, которым надо следовать, осуществляя анонимизированный submitting. От статьи, конечно, требуется оригинальность, но при этом предельно стандартизированная оригинальность.

Можно было бы, конечно, сказать, что члены редколлегий, эксперты журналов ведают отбором. Однако оценочные критерии и требования к статьям прописаны настолько структурированно и детально, что эксперт при желании свободно обходится набором готовых эвалюативных фраз по каждому структурному пункту экспертной методички. В общем смысле и эксперт, подобно автору, остается посредником, который сопоставляет анализируемый текст и актуальное знание, в этом смысле выступая в той же функции оператора-компаративиста прочитанных им текстов.

Но на следующем этапе эволюции научных текстов – на этапе стабилизации нового знания, дело обстоит еще хуже. Отобранные журналами статьи в своем абсолютном большинстве не будут восприняты научным сообществом, не получат массового цитирования и не стабилизируются как наличное известное и знание, как критерий значимости новых коммуникативных сообщений и как мишень для новых революционных мутаций и новообразований.

Продукт ученого, по меньше мере в мировом научном масштабе, на международных – сегодня социально-сетевых – площадках или платформах научного обсуждения, останется гласом, вопиющим в пустыне. До половины естественно-научных текстов и до 80% статей по гуманитаристике не получают ни одного цитирования. Но даже если он и будет востребован и «процитирован», то и в этом случае будет забыт в самое ближайшее время и растворится в десятках миллионов новых научных текстов. И, тем не менее, эти тексты во все в большем масштабе запрашиваются национальными регуляторами науки, по-видимому, как некие свидетельства национального престижа в конкуренции на международных академических рынках публикаций (где они торгуются на биржах Web of Science и Scopus). Влиятельная страна должна иметь науку как некий функциональный аналог спорта высоких достижений.

Но и самые удачные и успешные проекты и тексты, получающие рецепцию и массовое цитирование, сегодня, как правило, представлены публикациями больших консорциумов в рамках проектов Мегасайенс (БАК, космические станции и т.д.) под авторством сотен, а то и тысяч исследователей, где индивидуальный авторский вклад становится исчезающе малым. В этом смысле наука дегуманизирована гораздо больше, чем иные формы коммуникации.

Этическое измерение науки

Сказанное выше касалось временных или эволюционных контекстов или горизонтов научной коммуникации. Второе сомнение в гуманистичности современной науки связано с ее этическими притязаниями и в этом смысле касается *социального* измерения научной коммуникации. И здесь наука уже не

воспринимается как этический авторитет. Можно было бы сослаться на, мягко говоря, неэтическое поведение столпов гуманистической науки¹. Но дело не только в возможной негуманности научных экспериментов. Дело в самой логике научной конкуренции, логике так называемого академического капитализма, задающего условия временного и социального измерения успеха научной коммуникации. Означенная логика требует поставлять «на рынок научных публикаций» свои результаты *раньше* других исследователей. Именно эта логика успеха задает собственную внутринаучную нормативность («этику науки»), и именно она вынуждает выносить за скобки внешнюю этическую нормативность или гипотетическую универсальную мораль. Такая внутренняя или корпоративная этика во многом сводится к единственной заповеди – «не плагиатить», поскольку массовые нарушения этой нормы обесмыслили бы и само научное производство и научный успех. Все остальные социальные табу и запреты несовместимы с критической установкой и прямо препятствуют развитию науки. Возникает неискоренимый парадокс: наука стремится быть идеальным сообществом и поведенческим примером равенства и демократической меритократии. Но *критическая установка на фальсификацию всего и вся* принципиально деструктивна в отношении всех прочих идеалов и норм, включая все социальные скрепы.

Наука как политический субъект

Наконец, третий стержень гуманистического понимания науки усматривается в способности науки выступить политическим субъектом или хотя бы приобрести субъектность в принятом смысле слова – как способность принимать коллективные решения и осуществлять коллективные действия в защиту интересов некоторого «интегрированного сообщества». Мне представляется, что дисциплинарная (и, как следствие, институциональная и социального) раздробленность научного сообщества препятствует формулированию универсального или общенаучного интереса, прежде всего, даже и в предметно-тематическом измерении. В результате сообщество ученых не может ни сформулировать, ни обосновать, ни утвердить этот интерес в контроверзах с другими игроками на политическом поле. Резонансным примером является закон о просветительской деятельности, где мнение ученых было полностью проигнорировано.

Политика, не исключая и научную составляющую, в конечном счете, сводится к согласованию интересов между ведущими стейкхолдерами. В этом смысле наука как политический игрок должна обосновать и утвердить свой интерес как более или менее четкое представление о повестке, т.е. перспективах развития науки хотя бы на 10–15 лет. Но фундаментальная наука, как это известно со времени Карла Поппера, осуществляется в особом формате *trial and error*. Никто не может гарантировать, будет ли стандартная модель в физике частиц опровергнута в течение десяти лет; будет ли создан

¹ Так, Луи Пастер предлагал испытывать вакцины на приговоренных к смерти. Роберт Кох форсировал продажи клинически непроверенного препарата туберкулин, только усугублявшего болезнь, по сути, убивавшего пациентов. И отечественный академик Павлов не является исключением, проводя жестокие операционные опыты на беспризорниках. Но дело не только в возможной негуманности научных экспериментов. Поэтому скандальный пример с прививкой «КовиВак» не является каким-то исключением в исследовательской работе, но подтверждает «агональные» правила «академического капитализма».

квантовый компьютер. Отсюда чрезвычайно уязвимая позиция в переговорах со стейкхолдерами – Минобром, Администрацией Президента, Индустрией, Министерствами экономического развития или обороны. Науку не признают за равноправного игрока, поскольку, даже будучи наиболее рефлексивной формой социальности, она, тем не менее, не демонстрирует означенной субъектности, требующей скорее воли к действию, нежели рефлексии, созерцательности и объективного знания¹.

Дисциплинарно-институциональная разобщенность в предметном измерении дополняется дифференциацией в измерении социальном. Дисциплины и субдисциплины конкурируют друг с другом за финансирование, за внимание к себе и просто не понимают друг друга, поскольку существуют в разных понятийно-терминологических системах. Но и внутри НИИ и факультетов исследователи неизменно вступают в конкуренцию. Научная демократия противоречит меритократии, что определяет базовый парадокс субъектности и служит препятствием для осознания, изобретения и утверждения – гипотетического – общенаучного интереса. Как сформировать внутриинституциональный консенсус (в НИИ и вузах), если ведущие исследователи (Principal Investigators, PI) практически не зависят от своего института или факультета. Они не чувствуют необходимости интегрироваться и учитывать интересы окружающего их локального сообщества, могут свободно менять институции, иммигрировать за границу, устремляются туда, где им предоставляют лучшие, в том числе финансовые или лабораторные условия. Другое дело ученые среднего уровня (так называемые Co-Investigators, CI). Это сообщество имеет собственные и гораздо менее амбициозные притязания (преодолеть фильтры конкурсных или аттестационных комиссий). И на этих коммуникативных площадках их интерес, очевидно, выражается в голосовании не за лучших, а скорее «за своих». Ведь они и сами хотели бы рассчитывать на подобное же к себе отношение. Администрации вузов и НИИ образуют еще один, третий полюс научного сообщества. Их интересы концентрируются не столько вокруг исследования, сколько вокруг воспроизводства организационной и инфраструктуры. В этих условиях самосборка научного субъекта очевидно трудноосуществима².

В этом смысле научное сообщество почти не участвует в определении научно-политической повестки на какую-то перспективу, т.е. той линии развития науки, которую согласуют и все ведущие игроки – регулятор, власть, индустрия, ученые-активисты и сами научные коллективы. При этом наиболее влиятельные политические игроки в большей степени настроены на то, чтобы разделить «научный пирог», в первую очередь, рассматривая науку с точки зрения неких «конечных результатов» и «прикладных научных достижений». Только финализированные и прикладные продукты можно было бы «коммодитизировать», т.е. превратить в прибыль. Так к научным достижениям относится индустрия. Или научные достижения хотят истолковать как результат успешного администрирования, как политический успех. Так науку

¹ Это не означает, что субъектность науки исключается априори. Так, выкристаллизовалась форма политической субъектности в виде «Немецкого Исследовательского Общества», в уставе которого записано, что оно участвует в политической жизни и как эксперт и как инициатор политических инициатив на уровне правительства. Но это скорее исключение из правила.

² Подробнее о кризисе коллегиальности в научной коммуникации см. [5].

видит власть. Это, безусловно, важная часть внешнеориентированной научной коммуникации. Ученые, безусловно, вынуждены отвечать на вызовы и запросы из сопредельных коммуникативных систем – прежде всего, политической и экономической коммуникативных систем. Но прикладной результат исследования, т.е. фактическая прибыль, может быть получен и оценен только в течение конкретного времени, в процессе реализации трех-, в крайнем случае, пятилетних исследовательских *проектов*. Но не в этом состоит социальная функция фундаментальной науки, а именно – *научное исследование*, принципиально не ограниченное во времени, что релятивизирует всякий «конечный результат». Такое рассогласование динамики науки между тем, как ее понимают ученые, и тем, как ее принимают ключевые игроки, в свою очередь, препятствует превращению науки в политический субъект.

Список источников

1. *Касавин И.Т.* Наука – гуманистический проект. М. : Весь мир, 2020. 492 с.
2. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. Band I, 1981. Suhrkamp. S. 30.
3. *Луман Н.* Эволюция науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 222.
4. *Campbell D.T.* Blind variation and selective retention in creative thought as in other knowledge processes // *Psychological Review*. 1960. Vol. 67, № 6. P. 380–400.
5. *Антоновский А.Ю.* Кризис коллегиальности в научной организации и научная политика // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 3. С. 6–22.

References

1. Kasavin, I.T. (2020) *Nauka – gumanisticheskij proekt* [Science as a Humanistic Project]. Moscow: Ves' mir.
2. Habermas, J. (1981) *Theorie des kommunikativen Handelns. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. Vol. I. Suhrkamp. p. 30.
3. Luhmann, N. (2017) Evolution of Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 222. (In Russian).
4. Campbell, D.T. (1960) Blind variation and selective retention in creative thought as in other knowledge processes. *Psychological Review*. 67(6). pp. 380–400. DOI: 10.1037/h0040373
5. Antonovsky, A.Yu. (2020) The crisis of collegiality in a scientific organization and the science policy. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(3). pp. 6–22. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202057335

Сведения об авторе:

Антоновский А.Ю. – доктор философских наук, доцент, научный сотрудник Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). Email: olgastoliarova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Antonovskiy A.Yu. – Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: antonovski@iph.ras.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 20.01.2022;
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 04.05.2022*